

ДЕМОКРАТИЯ

по-руски

Антон Баков

Антон Баков

Демократия по-русски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18575128

ISBN 9785447481124

Аннотация

В этой книге известный политик обобщает свой 20-летний политический опыт. Баков описывает постсоветский социум, отличающийся от классического сословного общества и затрудняющий развитие демократии в России. В первой части книги автор заочно полемизирует с автором классического труда «Демократия в Америке» Алексисом де Токвилем. Во второй рассказывает историю демократизации России, рисуя портреты участников этого процесса, со многими из которых – от Горбачева до Немцова – Баков был знаком лично.

Содержание

Вместо вступления	5
Часть 1.	8
Равенство и демократия. Может ли чистильщик сапог стать президентом?	8
Все болезни – от зависти и только либерализм – от любви	20
Бедные не значит праведные	25
Социальные лифты или революция?	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Демократия по-русски

Записки бывшего гражданина СССР

Антон Баков

*Посвящается с любовью моей жене, соратнику
и соавтору Марине, разделившей со мной все
горести и радости погружения в русскую
демократию.*

© Антон Баков, 2016

© И. Баков, дизайн обложки, 2016

© И. Цаплина, иллюстрации, 2016

Литературный редактор А. Сергиевская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления

Россия и демократия. Сегодня это кажется почти оксюмороном, и даже сами эти слова, стоящие рядом, вызывают странное двойное ощущение. Отчасти ощущение горечи, ощущение несбывшихся надежд, ощущение сфальсифицированной истории и искажённой реальности.

А ведь каких-то 30 лет назад, что по историческим меркам совсем немного, Россия получила уникальный шанс измениться. Стать фактически полноценной демократической европейской страной, возможно, лучшей среди равных. Именно тогда в России стартовала перестройка, грандиозная эпоха перемен, начатая первым Президентом СССР Михаилом Горбачёвым, из рук которого эстафетный факел преобразований принял уралец Борис Ельцин, ставший первым Президентом России.

Да, конец XX века был своего рода трудным периодом исхода – исхода российского народа из советского рабства, советского египетского плена. Когда СССР, империя, уничтожившая сотни тысяч пассионариев, рухнула. Когда в стране произошёл глобальный тектонический сдвиг и изменилось всё – принципы политической жизни, политтехнологии, экономика, кажется, сама система координат.... Когда произошла своего рода «перезагрузка» государственной системы и смена поколений, причём сознание значительной ча-

сти молодёжи стало всё больше напоминать отформатированную флешку.

Помнится, поколению сегодняшних тридцатилетних и даже сорокалетних история порой преподавалась весьма своеобразно: с энным количеством «белых пятен», то бишь периодов, осмысление которых оставлялось как бы «за кадром» и «на усмотрение учащихся». Да, рекомендовались отдельные источники информации, диктовались имена историков, но вот ответы на многие вопросы пытливые умы, к сожалению, не получали... Мол, «догадайся сам». У поколения 20-летних, тем более 15-летних, думается, пробелов останется ещё больше... Как будут заполняться эти пробелы?

Что вообще происходило с «демократией по-русски»? Какое общество мы построили? Удалось ли россиянам за минувшие четверть века «выдавить по капле» из себя рабов, преодолев «застарелые болезни» социализма, или же эти болезни, подобно компьютерному вирусу, продолжают уничтожать «файлы исторической памяти» уже в обновлённой России?

И кто они – герои России «эпохи перемен», влиявшие на её жизнь в последние десятилетия? Какую Россию строит нынешний российский президент Владимир Путин? Обладают ли реальной властью российские губернаторы и депутаты? В какие ловушки попадала российская оппозиция?

Ответы на все эти вопросы мы можем найти, если обратимся к первоисточникам, то есть к уникальным воспомина-

ниям людей, которые принимали непосредственное и активное участие в исторических процессах и могут описать коллизии и перипетии современной российской истории, обычно остающиеся «за кадром».

Среди них особое место занимает известный российский политик, лидер Монархической партии Антон Баков, в «копилке» которого – работа в ряде политических партий, 14-летнее депутатство в российских парламентах, а также участие в выборах губернатора Свердловской области и мэра Екатеринбурга. Рано придя в политику, он принял участие во всех ярких политических начинаниях, которые ныне стали брендами региона, – таких как Уральская республика или движение «Май». Также в его активе – встречи и сотрудничество с рядом известных российских политиков – Владиславом Сурковым, Анатолием Чубайсом, Сергеем Шахраем, Егором Гайдаром, Борисом Немцовым и многими другими. И о них чрезвычайно интересно услышать из первых уст...

А ещё интересно сравнить то, как развивалась демократия в России и на Западе – в тех же США. Но поскольку делать это в режиме монолога показалось довольно скучным, был выбран метод сократовского диалога. Диалога с автором классической «Демократии в Америке» Алексисом де Токвилем. Разумеется, Баков с Токвилем те ещё сократы, но... почему бы нет?

Анна Матюхина, писатель, журналист и первый редактор этой книги

Часть 1.

В диалоге с Токвилем

Равенство и демократия. Может ли чистильщик сапог стать президентом?

Токвиль: «Среди множества новых предметов и явлений, привлёкших к себе моё внимание во время пребывания в Соединённых Штатах, сильнее всего я был поражён равенством условий существования людей. Я без труда установил то огромное влияние, которое оказывает это первостепенное обстоятельство на всё течение общественной жизни. Придавая определённое направление общественному мнению и законам страны, оно заставляет тех, кто управляет ею, признавать совершенно новые нормы, а тех, кем управляют, вынуждает обретать особые навыки. В жизни общества происходит демократическая революция, не сопровождаемая при этом тем преобразованием законов, идей, обычаев и нравов, которое необходимо для достижения целей данной революции. Таким образом, мы получили демократию, не имея того, что должно смягчать её недостатки и подчёркивать есте-

ственные преимущества, и, уже изведав приносимое ею зло, мы ещё не знаем того добра, которое она должна дать».

Антон Баков: Токвиль – прежде всего, рафинированный изысканный француз до кончиков ногтей, который выпитал если не с молоком матери, то со школьной премудростью идеи свободы, равенства и братства. И вот этот француз приезжает в Америку. Первое, что бросается ему в глаза, – это равенство людей. Стоит уточнить, что он приехал в рабовладельческие США XIX столетия, а значит, в страну, где значительную часть населения составляли чернокожие рабы, которые по определению не имели и не могли иметь никаких прав.

При этом плантаторы были вполне состоятельными и состоявшимися людьми, чей уровень жизни разительно отличался от уровня жизни тех же респектабельных европейских помещиков. Что уж говорить о простых мигрантах, которые прибыли в США налегке, с одним маленьким чемоданом вещей и большой американской мечтой.

Токвиль посетил США в 1831 году. Тогда ещё свежи были воспоминания о споре между владельцем штата Пенсильвания господином Пенем и хозяевами штата Мэриленд баронами Балтиморами. К слову, Пенсильвания была «частной лавочкой» этого замечательного господина Пена и его наследников, пока он не продал её обратно британской короне.

Но всё познаётся в сравнении, и очевидно, что по сравне-

нию с Францией после реставрации Бурбонов США многим казались страной равенства. Таковыми они и вошли в историю в значительной степени благодаря Токвилю. Меня же, как выходца из куда более эгалитарного, чем американское, постсоветского общества, шокировало как раз грандиозное неравенство в США – как современное, так и существовавшее в 30-е годы XIX века.

Возможно, колониальная элита и лишилась части властных рычагов в результате революции, но зато она получила огромные имущественные выгоды. И, так или иначе, правящий класс американского общества по-прежнему составляли они, белые и сытые богатые рабовладельцы. Конечно, вся та «мелкая рыбёшка», которая «приплыла» в Америку в поисках новой жизни, никоим образом не могла претендовать ни на какое равенство с ними.

Потом США продолжали развиваться, а неравенство возрастать. Так что сегодня Америка – одна из самых поляризованных по имущественному положению людей стран, что, впрочем, не мешает ей оставаться символом свободы и возможностей, а также крупнейшей в мире демократией.

В России всё происходило «с точностью до наоборот»: когда в нашей стране не было демократии, у нас было достигнуто почти реальное равенство. Просто особо делить народу было нечего, кроме, разве что, «своих цепей».

Разжигающие социальную зависть автомобили-иномарки и возможность регулярных выездов за рубеж «для всех»

во времена СССР, естественно, отсутствовали. Даже когда представители нашей партноменклатуры жили в довольно скромных по нынешним меркам особняках, то это были всего лишь госдачи, которые, как известно, принадлежали государству, и их реальная передача наследникам была крайне затруднена. Можно сказать, что единственной привилегией советского начальства в эпоху отсутствия частной собственности было то, что у него имелось чуть больше прав по временному, пусть и пожизненному, владению чем-либо.

При этом обычные советские граждане не были собственниками, к примеру, даже своих убогих садовых участков, потому как те тоже принадлежали Родине. Мы были членами коллективных садов и добросовестно обрабатывали свои четыре сотки земли. Однако и та нехитрая растительность, ради которой мы каждое лето «убивались» на огородах, была в некотором смысле подконтрольна всесильному Левиафану.

Доходило до абсурда: далеко не во всех коллективных садах можно было выращивать яблони или груши, где-то только картофель и морковь. Даже кролики, как ни смешно, были «поднадзорны»: владелец «сверхнормативной» третьей крольчихи мог не только потерять её в результате конфискации, но и отправиться в ГУЛАГ за мифическую попытку реставрации капитализма!

Зато мы могли построить на своих участках уютные «социалистические» домики. Но только летние, холодные и ма-

ленькие, ибо не дай Бог, чтобы у наших жалких домишек появился второй этаж – это уже считалось бы буржуазным излишеством и роскошью! Более того, обмерялись веранды и подвалы, если они, конечно, были в наличии. В общем, власть держала руку на пульсе – и держала крепко, чтобы никто не высовывался выше картофельной ботвы. Впрочем, мало кто и стремился подняться до более «высокого», а потому опасного уровня.

Квартиры также были государственными, один из обитателей жилья обычно выступал как квартиросъёмщик. Даже выражение бытовало такое – «ответственный квартиросъёмщик». Видимо, подразумевалось, что имеется некий добродетель, который по-честному так платит за квартиру. А все остальные жильцы, если следовать этой логике, были вроде как безответственными. Только на закате советской власти появились кооперативные дома, в этом случае можно было стать членом кооператива по строительству жилого дома и даже совладельцем собственной квартиры.

В сущности, имущественный идеал советского человека включал в себя весьма примитивную, но устойчивую триаду «квартира-машина-дача». Сколько же всё это стоило? Да, в общем, не так уж много, особенно в конце эпохи застоя. К примеру, я, к своему 25-летию, ещё в самом начале 90-х умудрился выполнить и даже перевыполнить тот план, который не удалось реализовать моим родителям-инженерам за всю их трудовую жизнь. Я купил за две тысячи долларов

«трёшку» в старом «сталинском» доме, ещё за полторы тысячи долларов сад с почти двухэтажным «мансардным» домиком возле озера Балтым, а за две-три тысячи долларов – «девятку». Так что тогда за семь тысяч долларов США можно было полностью «упаковаться» – и глубоко задуматься, ради чего жить дальше, если главные цели в жизни уже вроде как достигнуты?

А потом мир перевернулся: цены росли, миллионы бывших советских людей удовлетворили свои базовые потребности и выяснили, что уровень имущественного неравенства может варьироваться чудовищным образом. Робко выглянувшие из-за ставшего тюлевым и ветхим «железного занавеса» граждане обнаружили, что помимо «дачи, квартиры, машины» в мире существуют ещё яхты, частные самолёты, виллы с бассейнами, зарубежные курорты и прочие «искушения для искущённых».

В середине 90-х у амбициозных бывших м. н. с. кружились головы от успехов, а потом и попросту «съезжала крыша». Они, люди, которые при советской власти были обречены десятилетиями делать карьеру с муравьиной скоростью, могли запросто стать владельцами заводов, газет и пароходов. С тех пор неравенство зашагало по России семимильными шагами, как и в великой заокеанской «стране возможностей».

В США любят говорить, что чистильщик сапог может стать президентом. Да, в Америке чистильщик сапог дей-

ствительно имеет шанс на это. Но не любой, а обладающий уникальными способностями и личностными качествами, благодаря которым уже заложенный от природы талант, будто огромный поршень, может вытолкнуть гражданина на социальный «верх».

Так что пресловутое американское равенство существовало в основном в фантазиях г-на Токвиля. Точно так же и наша нынешняя демократия подтверждает, что равенство не только не связано с ней, но и прямо ей противоположено. Ибо всё, что сегодня мешает развитию демократии в России, – пережитки того самого социалистического равенства, при котором сформировались три поколения россиян.

Вообще «бывшие советские» с большим трудом переходили на капиталистические стандарты потребления. К примеру, лишь в «нулевые» годы, будучи уже вполне состоявшимся и небедным человеком, я позволил себе квартиру, которую не смог бы приобрести в Советском Союзе, и построил капитальный дом за городом, который был бы невозможен в эпоху СССР.

Причём моё «нестяжательство» диктовалось исключительно воспитанием: ещё в 90-е я был достаточно богатым, но абсолютно советским человеком. Я думал: «А зачем вообще всё это надо, все эти „навороты“ и излишества?» Так что шаг вперёд по «пути стяжательства и приобретательства», как это называли мои учителя-коммунисты, стоил мне большой внутренней борьбы. И если бы не жена и не дети, то я бы

её проиграл.

Благодаря ельцинской политике сокращения депутатского корпуса людей в органах представительной власти становилось всё меньше и меньше, а их отбор сделался гораздо более жёстким, чем раньше.

Первоначально же, до разгона Советов в октябре 1993 года, во власть приходили, помимо прочих, и простые люди, причём среди них, действительно, порой встречались настоящие «слуги народа»! Правда, это касается только одного «горбачёвского» созыва. До прихода Горбачёва депутаты служили КПСС ещё более старательно, чем нынешние единороссы служат Путину.

В перестройку в ряде крупнейших городов страны мы на очень короткое время получили если не реальную демократию, то хотя бы демократические парламенты. И пусть исполнительная власть, суды и правоохранительные органы, т. е. реальная власть, остались в руках коммунистической номенклатуры, «разгул демократии» изрядно напугал «верхи».

Для того чтобы «сломать о колено» митинговую, разноголосую и критически настроенную среду, смесь пассионариев из низов и окрылённой надеждами интеллигенции, Ельциным был принят указ, который резко ограничил количество депутатов. Это произошло уже после 1993 года, когда расстреляли протестный парламент. Так сказать, БНЕ сделал «контрольный выстрел» не только в демократию, но и в са-

мих демократов, вытесненных со всех государственных постов и превращённых в маргинальную «демшизу».

В итоге депутат стал чем-то вроде редкого животного, отягощённого огромным избирательным округом и, образно говоря, занесённого в Красную книгу. Демократия в этих условиях, естественно, стала «предметом роскоши». Само собой, проводить самостоятельные предвыборные кампании в России могли себе позволить только или очень богатые люди – или люди, обладающие огромным административным ресурсом. Что примерно одно и то же, потому что, как известно, власть и деньги обычно идут рука об руку.

В России есть много примеров, когда богатые люди становились большими чиновниками и – когда большие чиновники превращались в очень богатых людей. Именно на этих людей, а вовсе не на наивный народ, который «поднял его на щит», и сделал ставку Ельцин.

Времена менялись – и менялись стремительно. Если когда-то мы выбирали Областной совет из 250 членов, то первая Областная дума, в которой я работал, состояла всего лишь из 28 человек. Причём мне, молодому предпринимателю, проиграли трое глав городов.

Тогда у меня не было выходов на ТВ или радио – я просто печатал агитматериалы и распространял их. Я был искренен и хотел сделать жизнь моих избирателей лучше, поэтому и победил. А ещё, кроме трудолюбия и обаяния, у меня было много денег. И огромный округ: 17 городов и райо-

нов, где я, будучи «тёмной лошадкой», переиграл конкурентов по новым ельцинским правилам. Можно сказать, вошёл в причудливую российскую демократию через «чёрный ход» ельцинской диктатуры. Разумеется, осмысление этого пришло много позже.

Надо сказать, в 90-е состоятельные бизнесмены активно шли в политику. В «нулевые» же они, напротив, стремились «убежать» от неё. Причина в том, что у бизнесмена особая психология. Бизнесмен не бизнесмен, если он зависим. Если не умеет гнуть свою линию, бороться с конкурентами, отстаивать позицию.

Эти качества в огромном дефиците в современном российском обществе из-за затянувшейся на столетие коммунистической «чистки рядов» и продолжающейся эмиграции лидеров, в том числе в США. Поэтому-то в России почти не развился малый бизнес: во-первых, из-за того, что общество потеряло многих потенциальных лидеров и просто инициативных людей, во-вторых, потому, что по-настоящему наделённый лидерскими качествами человек был просто обречён в России на значительный экономический успех. И, естественно, именно такие успешные люди и пришли в российскую политику.

Однако в «нулевые» годы Путин постепенно вытеснил этих людей из публичных органов власти, в основном, путём восстановления тотального партийного контроля и ограничения возможностей независимых кандидатов и региональ-

ных политических групп. Именно при нём прошла вторая волна ротации элит, что, впрочем, не привело к кардинальным общественным изменениям. Нынешние управленцы являются не менее преуспевающими и «сытыми», чем те, которые были «на коне» в 90-е.

«Нулевые» годы – это действительно период нескромной роскоши, не зря Владимир Путин говорит, что Россия никогда не жила так богато. Хотя некоторые возразят: может, Россия в целом и расцвела, но я-то, Иван Иванович, не стал жить лучше. Всё же будем справедливы, ни один человек, даже волшебник из страны Оз, не смог бы обеспечить богатство и процветание для всех и по мановению «волшебной палочки». В этом смысле претензий к Путину ни у меня, ни у кого-либо другого нет и быть не может.

Но вернёмся к теме демократии. До 2003 года я твёрдо стоял на социал-демократических позициях. Мой собственный кризис как социал-демократа был связан с поражением нашей местной социал-демократической партии «Май» на региональных выборах 2002 года. До этого я наивно верил, что в России можно создать социал-демократию, более того, что она способна развиваться сама по себе. Однако как только наша социал-демократия перестала дотироваться крупными финансово-промышленными группами, так тут же потерпела фиаско.

Мой друг, депутат Госдумы «справаросс» Александр Бурков продолжает увлекаться социал-демократическими иде-

ями и эксплуатировать эту нишу, я же пришёл к неутешительному выводу, что социал-демократия – отнюдь не то, что необходимо российскому обществу. И начал искать альтернативные варианты. А вот что нашему обществу точно противопоказано, так это равенство. Я в этом убеждён.

Все болезни – от зависти и только либерализм – от любви

Токвиль: «Демократические народы всегда с любовью относятся к равенству, однако бывают периоды, когда они доводят эту любовь до исступления. Это случается тогда, когда старая общественная иерархия, долго расшатываемая, окончательно разрушается в результате последних яростных междоусобных схваток, и когда барьеры, разделявшие граждан, наконец-то оказываются опрокинутыми. В такие времена люди набрасываются на равенство, как на добычу, и дорожат им, как драгоценностью, которую у них могут похитить. Страсть к равенству проникает во все уголки человеческого сердца, переполняя его и завладевая им целиком. Бесплезно объяснять людям, что, слепо отдаваясь одной исключительной страсти, они ставят под угрозу свои самые жизненно важные интересы: люди остаются глухими. Бесплезно доказывать людям, что, пока они смотрят в другую сторону, они теряют свободу, которая ускользает прямо из их рук: они остаются слепыми или, скорее, способными видеть во всей вселенной лишь один-единственный предмет своих вожделений».

Антон Баков: Без преувеличения, зависть – двигатель прогресса, ведь многое в этом мире зачастую осуществля-

ется именно из-за того, что люди изнутри разъедаемы этим ядовитым чувством. А если уж в людях просыпается зависть, то значит, что они признают чьё-то явное превосходство над собой.

Опытные демагоги нередко мастерски спекулировали на теме равенства и неравенства: достаточно вспомнить, как большевики предлагали уничтожить – и реально-таки уничтожили богатые классы. И тогда народ воззавидовал, и воззавидовал люто, а его бунт был бессмыслен и беспощаден. Потом, когда в России попытались ввести НЭП, поднялась очередная волна недовольства, в духе: «А, жируете, нэпманы, ничего, скоро это всё закончится!»

Собственно, и демократическая революция в России, по большому счету, произошла не из-за непреодолимой потребности нашего народа в правах человека и свободе слова (в этих «буржуазных излишествах» нуждалась разве что «жалкая» горстка образованной и «растлившейся» благодаря Западу либеральной интеллигенции), а именно из-за зависти и стяжательства.

Революция Ельцина тоже проходила под лозунгами зависти: мол, посмотрите, как сыто и с размахом живут «загнивающие капиталисты», и сравните с тем, как убого живём мы. Это был как бы один уровень зависти: зависть к Западу. Поэтому распространённые антизападные настроения, на которых столь активно играет сегодня Путин, – это не только ремейки «красного агитпропа» с его вечными рассказами

о происках коварных буржуев, но и миф о богатстве европейцев и американцев родом из демократической пропаганды 80-х и 90-х. К слову, коммунисты, наоборот, вещали нам о бедности и безработице в странах капитала, а вовсе не делали акцент на их успехах.

Ну, и второй уровень зависти – это создание образа врага внутри страны в лице коммунистической номенклатуры. Не шибко большие, но всё-таки привилегии начальства безмерно раздражали среднестатистических граждан. Так что именно лютая и пожирающая изнутри зависть стала той едкой ржавчиной, которая «разъела» Советский Союз.

Во время ельцинского переворота «товарищи», изо всех сил рвавшие в «господа», с пеной у рта и искренним возмущением обсуждали продуктовые спецраспределители и разного рода «берёзки», где приближённые к власти люди могли отовариваться качественной колбасой, чёрной икрой и непалёной водкой. Вроде бы это ничего особенного собой не представляло, но раздражать – раздражало.

Прекрасно понимая это, тот же Ельцин «въехал» во власть отнюдь не на белом «Мерседесе», а на облупленном и уже «не первой свежести» демократичном трамвае (по другой версии – на троллейбусе).

Став первым лицом в Москве и будучи при этом большим народным артистом по натуре, он демонстративно перемещался именно на этом виде общественного транспорта, плечом к плечу с «дорогими россиянами». В то же время прочие

«вожди народа» заносчиво проносились мимо оголодавших толп пусть на обычных, но «Волгах», причём оскорбительно-элегантного чёрного цвета. И этим вызывали откровенную ненависть «низов», не владевших в большинстве своём даже «Запорожцами».

На сегодня эгалитаристская философия, можно сказать, почти побеждена: люди уже привыкли к тому, что есть богатые и есть бедные. При этом в гражданах социальная «ярость благородная» периодически всё ещё «вскипает, как волна». И конечно, этот пласт национального характера ещё не раз будет использован в корыстных целях демагогами будущего.

Я, повторюсь, всегда старался отстаивать интересы бедных и мечтал, может быть, наивно о том, чтобы наши пенсионеры жили не хуже, чем в Европе. После разгрома СПС Владимир Путин неожиданно реализовал некоторые наши социальные идеи, причём сделал он это в 2008 году, когда мир был ввергнут в кризис. И, надо отметить, этот шаг резко увеличил лояльность народа к власти.

Если сегодня социальную базу для реализации либеральных идей составляют молодые, самостоятельные и порой даже состоятельные люди, то до 2008 года хоть какое-то желание изменить что-либо в окружающем мире испытывали разве что депрессивные пенсионеры из депрессивных городов. И многие политики активно спекулировали на перманентном недовольстве стариков, поскольку это было беспроигрышным ходом, ибо старики недовольны жизнью почти

всегда.

В то же время, даже лет 15 назад, любой протест был обречён на провал, так что наша деятельность напоминала бессмысленное «махание копьями» отчаянных и отчаявшихся достучаться до людей «донкихотов».

Ныне же в России общественное недовольство стало фактически виртуальным и ушло в соцсети, а теперь, кажется, покинуло и их.

Так что «подобьём» итоги: Борис Ельцин – человек, который больше других российских политиков эксплуатировал идею равенства, но он же и нанёс ей наибольший урон. Люди голосовали за великого уравнивателя, а получили величайшего расслоителя социума. И вот эта удивительная особенность демократии, при которой часто претворяется в жизнь совсем не то, за что голосовали люди на выборах, отчасти и вызывает настороженное отношение к демократии и демократам в нашем постсоветском обществе.

Бедные не значит праведные

Токвиль: «Одним принадлежало всё: богатство, сила, свободное время, позволявшее им стремиться к утончённой роскоши, совершенствовать свой вкус, наслаждаться духовностью и культивировать искусство; тяжёлый труд, грубость и невежество были уделом других.

Бедняк унаследовал большую часть предрассудков своих отцов, утратив их убеждения; он столь же невежествен, но лишён их добродетелей. В качестве основы своих действий он принял доктрину личного интереса, не понимая должным образом этого учения, и его эгоизм ныне носит столь же непросвещённый характер, как и прежняя преданность бедняков своим господам, готовых жертвовать собственными интересами».

Антон Баков: Вот тут Алекс де Токвиль проявляет определённую наблюдательность. Раньше европейский бедняк, за исключением «социальных отщепенцев» и представителей городского дна, был человеком, втянутым в феодальные отношения, но, как известно, при феодализме нет человека без господина. В США же у бедняков господ не было.

Бесхозная масса людей, приехавших в поисках счастья из Старого Света, а также их детей и внуков создала в США удивительный атомизированный мир, который по-

явится в Европе лишь в конце XIX – начале XX века благодаря растущей урбанизации и вытеснению рабочей силы из деревни.

В России же подобная ситуация сложилась ещё позднее. В конце 20-х годов прошлого столетия коммунистическая коллективизация разорила и выхолостила деревню, огромное же количество экономических беженцев из сёл отправились колонизировать города и участвовать в индустриализации.

Почему же произошёл этот массовый «исход»? Причина проста: люди банально спасались от нищеты и голода, вызванных насаждением колхозов в деревнях, и надеялись найти «хлеб насущный» на заводах и фабриках. Условия были благоприятные: коммунистическое государство готовилось к новому «экономическому рывку», а именно индустриализации, амбициозно мечтая «догнать и перегнать» Запад.

Надо сказать, что в мире тогда произошёл колоссальный социальный и психологический сдвиг, так что не зря Токвиль с ужасом относится к порокам бедняков. Дело в том, что превращение бедняка в богача, примерно как куколки в бабочку, – процесс сугубо индивидуальный, не массовый. Нельзя заставить людей стать богатыми и счастливыми «оптом». Для этого человек должен найти свою нишу, например, организовать бизнес, стать центром притяжения для кого-то и сформировать островок светлой устроенной жизни.

Когда же этот сложный процесс социального преобразования происходит на уровне толпы, то есть на уровне не готовой к внутренним переменам массы людей, предпочитающих жить по эгоистическому принципу «дай мне», то неизбежно появляются безумные и жестокие диктаторы. Именно так и произошло в России, Германии, Италии и других странах в XX веке. Достаточно вспомнить нашу сталинскую урбанизацию, сопровождавшуюся многочисленными репрессиями и чистками: как ни крути, 4 млн доносов написали именно алчные советские граждане, жаждавшие добиться лучшей доли за счёт «зажравшихся», как им казалось, соседей.

Аналогично в обезумевшей Германии были уничтожены миллионы евреев, монополизировавших, по мнению завистливых нацистов, банковское дело, юриспруденцию, медицину и масс-медиа. Благодаря же беспринципному популисту Гитлеру весь мир был ввергнут в пучину глобального передела «благ».

В общем, «понаехавшие» бедняки и маргиналы были страшнейшей угрозой и для США. По большому счету, любой наш современник, который с ужасом смотрит на разноязыких мигрантов, вторгающихся в его более-менее обустроенный и спокойный городской мирок, может себе представить, что творилось когда-то в душах американских первопоселенцев.

Этот мятеж униженных маргиналов особенно ярко по-

казан в культовом фильме «Банды Нью-Йорка», где одну из своих лучших ролей исполнил Ди Каприо. При этом, вопреки всем передрягам, демократия в Америке устояла – во многом потому, что США были всегда полицентричной и с множеством разновеликих городов страной выбора.

Кстати, несмотря на внушительные небоскрёбы, США «в массе» всегда были одноэтажными. В сельской местности же царил осёдлый и крепко стоящий на ногах сельский собственник. Так что, невзирая на тяжёлый период потрясений, включая Гражданскую войну, несмотря на бунты темнокожих и чёрных пантер в 60—70-х, в Америке не сформировался такой кровавый античеловеческий режим, каковые сложились в Восточной Европе, Германии или СССР. И жестокость так и не стала «мэйнстримом» в Америке.

Но вернёмся к России. Феномен Путина связан с его популярностью именно в той части общества, которая хотела быть вплетена в современные социально-экономические процессы, но по ряду причин так и не интегрировалась в них.

Значительная часть российского народа продолжает блуждать на стыке эпох в трёх соснах. Миллионы людей чувствуют себя никому не нужными, а потому ищут сакральные фигуры, лепят идолов в попсе и политике и психологически стабилизируют себя через поклонение им.

Ведь если горстку самодостаточных людей тенденциозный информационный слив, который происходит по российским телеканалам, только раздражает, то гораздо более мно-

гочисленных граждан попроще лабуда, льющаяся с телеэкрана, напротив, успокаивает и даже радуется, становясь своего рода формой медитации.

Моя политическая карьера в большей степени была связана именно с бедняками. Классический бедняк – вечное большинство электората в России. Значительная часть российского населения является бедняками не столько финансово, сколько психологически. К примеру, у российского пенсионера есть пенсия, и как бы он себя ни вёл, его нельзя уволить из пенсионеров. Однако он далеко не всегда чувствует себя независимым и свободным, в отличие от, скажем, того же пенсионера в Германии, который может позволить себе жить с достоинством и даже путешествовать по миру. Во многом эта иррациональная психологическая зависимость бывших советских людей от власти и является причиной их бедности.

Я начинал свою карьеру в нашем промышленном регионе, где население было во многом дезориентировано и запугано. Это происходило спустя пять-шесть месяцев после расстрела Белого дома, когда одна эпоха сменяла другую. Но бедняки оставались бедняками, несмотря на все перемены.

Тогда проходили выборы в Советы. В них участвовали советские люди, эти люди ходили на службу и имели социальные гарантии, которые их далеко не во всём устраивали. Как иронизировали тогда, «советский человек уверен в завтрашнем дне, но этот завтрашний день ему совершенно не нравится». Так что начался период консолидации населения во-

круг власти, правда, в отрицательном смысле, поскольку народ в едином деструктивном порыве бросился сокрушать без разбору то, за что вчера был готов умирать.

Я не участвовал тогда в активной политике. Хотя в 1989 году мы всё-таки выбрали депутатом последнего советского парламента «демократа» г-на Кудрина. Его конкурента, Геннадия Месяца, интеллектуала и руководителя местного отделения Уральского отделения Российской академии наук, человека, безусловно, талантливого и порядочного, мы просто ненавидели – только за то, что его выдвинули партократы. Зато нам импонировал косноязычный Кудрин, изгнанный из судей, потому что отказался осуждать участников митинга, который проводили люди Новодворской из неукротимого Демократического союза. Принципиальный Кудрин демонстративно положил на стол партбилет, а потом стал грузчиком.

Ну, а мы по старой российской традиции «за муки его полюбили» – и выбрали депутатом в Верховный Совет СССР. С тех пор везучего грузчика почти никто не видел – «страшно далёк» стал он от народа. Первые листовки для Кудрина я печатал за свой счёт, выделив ему бежевый «Москвич» с треснувшим лобовым стеклом и с молчаливым шофёром Костей, который колесил с Кудриным по области.

Мне даже в голову тогда не приходило, что я сам могу пойти в депутаты, но поддержать человека из народа я считал своим долгом. Помню, как пришёл на митинг на Пло-

тинку, где выступал Кудрин, который делал это крайне неуклюже. Наш народный герой медленно и с огромным трудом подбирал слова, так что я губами проговаривал то, что он не мог произнести, – так хотелось уже ему подсказать. Потом я удивлялся, как он приговоры-то в суде писал. А особенно как их читал. Но это было гораздо позже.

Поскольку бытие, как ни крути, определяет сознание, а я представлял бедняков, несмотря на то, что был богаче всех тех, кто меня окружал, то в один прекрасный момент я начал испытывать существенный психологический дискомфорт.

Вообще сложно бороться за права малоимущих, не будучи бедняком самому. И я попытался объединить «низы», чтобы они научились защищать свои интересы сами. Для этого я организовал мощное социал-демократическое движение, которое добилось высоких результатов в Свердловской области, – мы смогли даже стать третьей силой. Нас обогнали только мэр нашего города-миллионника и губернатор области. Это был значительный успех, ведь мы опередили на тот момент все общероссийские парламентские партии.

Но когда я был вынужден пустить процесс на самотёк и не смог его более дотировать, бедняк благополучно нашёл себе новых кумиров, отвернулся от нас и проголосовал «против» на выборах. Однако даже несмотря на это я ещё длительное время испытывал к бедняку сострадание и симпатию. Я понимал его неспособность самоорганизоваться

в профсоюзы и правозащитные организации, а также продолжал питать иллюзии в отношении пенсионеров.

Со временем от нас отвернулись все, за чьи права я так самоотверженно боролся. «Профсоюзники» разбежались, потому что боялись притеснений новых несправедливых хозяев, учителя отвернулись под предлогом того, что якобы всех их уволят. На самом деле никто никогда не сможет уволить всех, тем более учителей. В общем, с ними всё было ясно.

Мой «роман» с пенсионерами продолжался дольше всего. Я действительно придумал сильную программу, отстаивающую интересы пенсионеров, для «Союза правых сил». Мне даже удалось убедить либеральную СПС поддержать эту социально-незащищённую категорию граждан. Я сказал, что если мы «правые», то это не значит, что мы нелюди, и что ничто человеческое нам не чуждо, особенно уважение к старшим. Как говорится, «все там будем».

Но, увы, пенсионеры поступили с нами так же, как многие наши бывшие соратники по «Маю». Пока мы поддерживали их материально, они выступали за нас, но как только они увидели кого-то более перспективного, то с готовностью переметнулись на его сторону. В нашем случае перешли под массивное крыло «Единой России».

Полагаю, что Владимир Путин увеличил тогда пенсии отчасти и благодаря моей настойчивости. Так что нельзя утверждать, что моя борьба была совсем безрезультатна. Однако, исходя из своего опыта, я не готов признать неорганизован-

ного, «атомизированного» бедняка из больших или малых российских городов движущей силой демократии. Да, привлечение этих людей может сыграть определённую роль в исходе борьбы крупных сил между собой. Но при этом политической субъектностью они, увы, не обладают. И их место не на авансцене, а в партере исторического процесса.

Увы, эта очевидная истина полностью противоречит тем политологическим штампам, которыми меня, как и многих из нас, «пичкали» в школе и университете марксисты, а впоследствии и либералы. И те, и другие были убеждены в том, что историю делают самые голодные. Теперь же я уверен, что отнюдь не избиратели, а избираемые определяют характер устройства страны, в частности, будет оно демократическим или совсем наоборот.

Социальные лифты или революция?

Токвиль: «Ещё не найдено политическое устройство, которое бы в одинаковой степени благоприятствовало развитию и процветанию всех классов, составляющих общество. Классы представляют собой нечто вроде отдельных наций внутри одного народа, и опыт показывает, что отдавать какую-либо из них в руки другого так же опасно, как позволять одному народу распоряжаться судьбой другого. Когда у власти стоят одни богатые, интересы бедных всегда в опасности. Если же бедные диктуют свою волю, под удар ставятся интересы богатых. В чём же заключаются преимущества демократии? Реально они заключаются не в том, что демократия, как говорят некоторые, гарантирует процветание всем, а в том, что она способствует благосостоянию большинства».

Антон Баков: Разрыв между богатыми и бедными в США самый большой в мире. Однако можно ли судить о стране по разнице между бедными и богатыми? Бедные ведут в США достаточно обеспеченную жизнь, у них хорошие медицинские страховки и пособия, их защищает закон. В России же разница между «низами и верхами» гораздо меньше, хотя и у нас сложился за последние четверть века класс вполне обеспеченных людей, которым будет что передать своим детям.

Однако существует запрос на вертикальный социальный лифт. Да и вообще: может ли талантливый, целеустремлённый молодой человек вырваться из низших слоёв, в которых он оказался из-за своего социального происхождения? Может ли такой человек осуществить в России радикальный прорыв и стать богатым и влиятельным членом общества? Честно могу сказать: одно время именно так и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.